

—■■■■■ ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ ■■■■—

О.Я. БАЕВ

ОСНОВЫ
МЕТОДИКИ
УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ЗАЩИТЫ ОТ НЕГО

(на примере уголовно-процессуального исследования
должностных и служебных преступлений)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Олег Баев

**Основы методики
уголовного преследования
и профессиональной
защиты от него (на примере
уголовно-процессуального
исследования должностных
и служебных преступлений)**

«ЭКСМО»

Баев О. Я.

Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений) /

О. Я. Баев — «Эксмо»,

Обосновываются и формулируются многочисленные рекомендации по практическому осуществлению уголовного преследования и профессиональной защиты от него как с позиции профессиональных представителей стороны обвинения, так и с позиции адвоката – защитника лица, подвергающегося уголовному преследованию, в досудебном и судебном производстве по уголовным делам о преступлениях, совершаемых по должности и по службе. Рассматриваются связанные с этим проблемные и дискуссионные вопросы и вносятся соответствующие предложения по их разрешению на практике и в законодательном процессе. В приложении приводятся руководящие постановления и обзор практики Верховного Суда Российской Федерации по делам о должностных и служебных преступлениях. Издание рассчитано на практических работников органов уголовной юстиции, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических учебных заведений.

© Баев О. Я.

© Эксмо

Содержание

Введение	5
Глава 1	11
§ 1. Механизм следообразования как структурирующее начало конструирования криминалистической методики	11
§ 2. Ситуационный подход в методике уголовного преследования и профессиональной защите от него	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Яковлевич Баев

Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений)

Введение

По классическому определению Р.С. Белкина, криминалистическая методика есть «синтезирующий раздел криминалистики, объединяющий положения криминалистической техники и криминалистической тактики в их специфическом преломлении применительно к условиям и задачам расследования конкретного вида преступлений. Содержит систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования, по предотвращению преступлений. Помимо общих положений включает систему частных криминалистических методик»¹.

Однако при всем своем пиетете перед научными воззрениями и личностью этого выдающегося ученого и всецело соглашаясь с ним, что криминалистическая методика есть адаптированная криминалистическая техника (в меньшей степени) и криминалистическая тактика (в значительно большей мере), позволим себе вкратце сформулировать ряд положений, отражающих наше видение предмета этого раздела науки криминалистики (они будут подробно обосновываться в данной работе).

Во-первых, мы полагаем, что предметной областью криминалистической методики (как и всей этой науки) является не только расследование, но и уголовно-процессуальное исследование преступлений всеми профессиональными субъектами такового.

Под ним мы понимаем направленную на достижение назначения уголовного судопроизводства, совокупную деятельность органов дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, адвоката-защитника, адвоката-представителя, суда, реализуемую каждым из них в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями в рамках динамической системы уголовно-процессуальных правоотношений².

Во-вторых, – и это соответствует предложенному определению – субъектами криминалистической методики (теми, на которых рассчитаны все ее теоретические и прикладные разработки) является не только следователь, но и все другие профессиональные участники уголовно-процессуального исследования преступлений, относящиеся к криминалистически определенным их видам: дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, судья, адвокат – защитник лица, подвергающегося уголовному преследованию, адвокат – представитель потерпевшего.

---

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000. – С. 101.

² Обоснование этой позиции см.: Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: система и ее качество. – М., 2007.

Среди них – что очевидно – особое место занимают следователь как «стержень» всей системы уголовного преследования, чья деятельность в сущности как опосредует все досудебное производство по уголовному делу, так и обуславливает его содержание в судебных стадиях, и единственный профессиональный представитель лица, подвергнувшегося уголовному преследованию, – адвокат – защитник в уголовном судопроизводстве. А потому в первую очередь именно применительно к их деятельности криминалистическая методика разрабатывает свои приемы и рекомендации, адаптируя и интерпретируя все достижения предыдущих разделов криминалистики, главным образом криминалистической тактики³, в целях оптимизации уголовного преследования и профессиональной защиты от него в уголовно-процессуальном исследовании преступлений отдельных криминалистически определенных видов.

И здесь, думается, необходимо достаточно пространное отступление.

По мнению большей части исследователей, изучение деятельности защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе ее методических особенностей, не «вписывается» в предмет науки криминалистики; она составляет предмет некой иной научной дисциплины, ибо цели да и сами средства уголовного преследования (разработка которых входит в компетенцию криминалистики в традиционном ее понимании) противоположны целям и средствам их достижения стороны защиты, которая противодействует стороне обвинения в достижении стоящих перед ней целей. А такое противодействие, в частности противодействие предварительному расследованию преступлений, есть «умышленная деятельность с целью воспрепятствовать расследованию и в конечном счете – установлению истины по уголовному делу»⁴.

И потому не случайно, что практически в любой работе, посвященной преодолению противодействия предварительному расследованию (Э.У. Бабаевой, А.Ф. Волынского, В.Н. Карагодина, И.А. Николайчука, В.В. Трухачева, Н.П. Яблокова и др.), в качестве одного из основных субъектов такого противодействия называется адвокат – защитник лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого). Естественно, что в таких случаях речь идет о негативном влиянии адвоката на реализацию уголовного преследования. И говорится об этом, заметим, с нескрываемой раздражительностью. «Адвокат, – например, строго предупреждает Ю.П. Гармаев, – не должен подстрекать своего подзащитного ко лжи»⁵.

Действительно (будем реалистами) участие адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве с самых начальных его стадий – с возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, задержания подозреваемого, предъявления обвинения и, более того, возможность для свидетеля явки на допрос со своим адвокатом – само по себе многократно усложнило процесс расследования преступлений. А если учитывать, что на практике адвокаты, увы, зачастую, используют для защиты своих клиентов весьма сомнительные с точки зрения закона и нравственности средства и приемы, то на первый взгляд такая точка зрения большинства криминалистов на деятельность адвокатов представляется оправданной.

Но так ли верна эта позиция на самом деле?..

На наш взгляд, проблема правомерности (или неправомерности) противодействия адвоката уголовному преследованию, осуществляемому в отношении его подзащитного, значи-

³ Этим проблемам мы посвятили ряд работ, см.: Баев О.Я. Тактика уголовно преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. – М., 2003; Тактика уголовно преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика (в соавторстве с М.О. Баевым). – М., 2005; Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Криминалистическая тактика. Следственная тактика. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика. – М., 2008. Настоящее исследование по существу является их логическим продолжением.

⁴ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика. – М., 2003. – С. 696. Нам это определение представляется более точным, чем то, как это понятие объяснено Р.С. Белкиным в «Криминалистической энциклопедии» (М., 2000), где под противодействием расследованию понимается лишь противоправная деятельность лиц, заинтересованных в исходе дела (с. 175).

⁵ Гармаев Ю. Адвокат не должен подстрекать своего подзащитного ко лжи // Росс, юстиция. – 2003. – № 7. – С. 61–62.

тельно сложнее, чем та, какой она представляется названным и другим авторам, рассматривающим с этой точки зрения деятельность адвоката исключительно в негативном плане. Мы полагаем, что без противодействия уголовному преследованию со стороны защиты (и наоборот) в принципе исчезает сам смысл состязательности уголовного судопроизводства как системы, состоящей в уголовном преследовании, защите от него и отправлении правосудия. *Нет противодействия в этой деятельности – нет состязательности.*

Делая такой вывод, мы исходим из нескольких посылок.

Во-первых, из этимологического значения термина «противодействие»: «Противодействовать – перечить, идти противу, наперекор, мешать, стараться уничтожить другое действие»⁶.

Во-вторых, из такого же значения понятий состязания, состязательности: «Состязаться – спорить, споровать, бороться, *противоборствовать* (выделено нами. – О.Б.), тягаться, стараться осилить, вступать в прение, в борьбу, в спор, в распрю»⁷.

Опуская дальнейшую нашу аргументацию по данной проблеме⁸, отметим только, что под состязательностью в уголовном процессе мы понимаем деятельность (действия, бездействие) сторон, направленную на усложнение формирования и полное или частичное опровержение конечного процессуального тезиса, формулируемого противоположной стороной в соответствии с ее уголовно-процессуальной функцией в уголовном судопроизводстве и противоречащего интересам противоборствующей стороны.

Таким образом, состязательность сама по себе предполагает противоборствование, противодействие состязющихся сторон в реализации каждой из них своей уголовно-процессуальной функции.

В-третьих, наконец, из взгляда на противодействие как на одну из ключевых категорий теории конфликта – конфликтного поведения, суть которого заключается в действиях, направленных «на то, чтобы прямо или косвенно заблокировать достижение противостоящей стороной ее целей, намерений и так далее»⁹.

Стратегическая цель предварительного расследования преступлений – законное и обоснованное уголовное преследование, направленное на формулирование обвинительного тезиса в отношении лица, по мнению осуществляющих его субъектов (органов и должностных лиц), совершившего расследуемое преступление. И когда речь идет о противодействии предварительному расследованию преступлений, в сущности следует подразумевать именно эту его направленность – противодействие уголовному преследованию (поэтому далее понятия противодействие предварительному расследованию и противодействие уголовному преследованию будут употребляться нами как синонимы).

Очевидно, что преодоление противодействия уголовному преследованию есть необходимость, данность, присущая самому информационно-познавательному характеру уголовного преследования, осуществляемого, как правило, в конфликтных условиях.

В то же время системный характер уголовного судопроизводства, находящий свое выражение в принципе состязательности сторон, объективно обуславливает такую же возможность (скажем более – необходимость) противодействия уголовному преследованию со стороны защиты; иначе ни о каком равноправии в состязании сторон говорить невозможно¹⁰.

---

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – М., 1990. – Т. 3. – С. 520.

⁷ Даль В.И. Указ. соч. – Т. 4. – С. 280.

⁸ Более подробно она приведена, в частности: Баев О.Я. О состязательности в досудебном производстве по уголовному делу // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 6. – Воронеж, 2005.

⁹ Лефевр В.А., Смолян Г.П. Алгебра конфликта. – М., 1968. – С. 82.

¹⁰ См. подробнее: Баев М.О. Противодействие как реализация принципа состязательности в уголовно-процессуальном исследовании преступлений // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 6. – Воронеж, 2005.

В первую очередь здесь мы имеем в виду единственного ее профессионального представителя: адвоката-защитника лица, подвергающегося уголовному преследованию.

С учетом сформулированного выше понимания противодействия как формы реализации принципа состязательности сторон противодействие адвоката-защитника уголовному преследованию подзащитного есть умышленная его деятельность (действия, бездействие) с целью законного и допустимого воспрепятствования средствам, методам формирования и объему уголовного преследования, которое осуществляется в отношении его подзащитного.

Полагаем, что противодействие адвоката уголовному преследованию своего подзащитного есть данность, процессуальная неизбежность. Речь должна идти не о том, допустимо ли такое противодействие как самостоятельный феномен, а лишь о пределах допустимости методов и средств осуществления такого противодействия.

Совершенно очевидно (и это в силу повышенной его значимости отражено в предложенной дефиниции), что такое противодействие уголовному преследованию подзащитного со стороны адвоката-защитника должно осуществляться лишь не противоречащими закону и этически безупречными средствами и способами.

«В избрании средств и способов защиты, – указывалось в Правилах адвокатской профессии дореволюционной России, – адвокат должен руководствоваться законом, указаниями науки, практикой и своей совестью, не допуская никакого влияния, в том числе со стороны доверителя»¹¹.

Проблема допустимости средств защиты всегда была и, несомненно, остается в настоящее время краеугольной при изучении практически любого аспекта деятельности адвоката-защитника по уголовным делам, тем более такого «острого» из них, как противодействие защитника уголовному преследованию подзащитного.

Как известно, закон предоставляет адвокату весьма широкие полномочия для осуществления им правозащитной деятельности в сфере уголовного судопроизводства. Однако какие-либо конкретные способы защиты законодательно – что вполне естественно – установлены быть не могут; в то же время – что не менее очевидно – именно закон является нижней границей допустимости противодействия адвоката уголовному преследованию подзащитного. Все, что за его пределами, – недопустимо а priori.

В этом отношении мы всецело согласны с мнением Ю.П. Гармаева: «Пределами правомерной деятельности, «красными флажками», линию которых не вправе преступать ни один защитник, помимо норм профессиональной этики, является деятельность, прямо запрещенная нормативными актами законодательства. К числу таких актов относятся Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Закон об адвокатуре, Кодекс профессиональной этики. Важнейшим нормативным правовым актом, определяющим «красную черту» между законной и незаконной, точнее преступной, защитительной деятельностью, является Уголовный кодекс Российской Федерации»¹².

Представляется, что наиболее точно психологические и гносеологические формы противодействия расследованию сформулированы Р.С. Белкиным. Поэтому позволим себе привести достаточно обширную цитату, в краткой форме обобщающую видение данного вопроса этим выдающимся криминалистом и позволяющую, думается, научно корректно экстраполировать

---

¹¹ Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. – М., 2003. – С. 9. В другом месте этой же работы (с. 192) А.Н. Марков приводит и такое мнение Московского Совета присяжных поверенных: «Выбор системы защиты составляет личное дело защитника, и в этом направлении никаких указаний, обязательных для него, делаем быть не может».

¹² Гармаев Ю.П. Преступления, совершаемые недобросовестными адвокатами в сфере уголовного судопроизводства (см. в: Инфор. ресурс «Консультант Плюс»).

сформулированные в ней положения на противодействие адвоката уголовному преследованию подзащитного.

«Противодействие расследованию предполагает ту или иную форму общения субъекта противодействия со следователем. В структуре общения различают три компонента: перцептивный, коммуникативный и интерактивный. Содержание перцептивного компонента – процессы восприятия и понимания друг друга участниками общения; коммуникативный компонент заключается в обмене информацией участников общения. Интерактивный компонент характеризует взаимодействие участников общения. В аспекте перцепции субъект противодействия, понимая цели и направленность действий следователя, стремится воздействовать на них в желательную для себя сторону. С коммуникативных позиций противодействие расследованию заключается, с одной стороны, в его стремлении получить информацию о замыслах и действиях следователя, с другой стороны, в передаче следователю ложной или маскирующей информации или вообще в ее сокрытии от следователя. Наконец, интерактивный компонент в данном случае выражается в конфликтном взаимодействии, в противоположности, несовместимости целей взаимодействующих сторон»¹³.

Особо следует подчеркнуть: речь идет о противодействии адвоката уголовному преследованию, а не правосудию; о противодействии уголовному преследованию – за правосудие.

Нам думается, что и лица, осуществляющие уголовное преследование, и лица, профессионально осуществляющие защиту от него, работают с одним и тем же материалом – со следами, возникшими в результате механизма совершения преступления в той или иной криминальной ситуации, возможности переработки ими которых зависят от сложившейся криминалистической ситуации. Поэтому методические основы всей этой деятельности по уголовно-процессуальному исследованию преступлений в принципе едины, но стоящие перед каждым из названных субъектов цели его участия в этом исследовании определяют противоположное значение законного, допустимого и обоснованного их достижения для противостоящей стороны. Успех уголовного преследования противоположен целям профессиональной защиты от него, и наоборот.

Отмечая это обстоятельство и считая методологически порочным изучение проблем деятельности адвоката-защитника в рамках науки криминалистики, отдельные авторы (О.А. Крестников и др.) полагают, что при таком подходе «криминалистика из науки по раскрытию преступлений, осуществляемому в соответствии с принципами законности и объективности, превращается в средство сокрытия преступлений»¹⁴.

Мы же убеждены, что в настоящее время предметная область науки криминалистики более широкая, чем раскрытие преступлений.

Ее составляет изучение феномена уголовно-процессуального исследования преступлений как большой системы, включающей в себя в качестве структурных элементов как деятельность органов и лиц, осуществляющих уголовное преследование на различных его стадиях и этапах, так и профессиональную защиту от него.

Мы убеждены также, что изучение методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него «в одной связке», в системе, учитывающей «знаки влияния», плюсы и минусы в деятельности каждой из этих подсистем и на этой основе разрабатывающей допусти-

---

¹³ Гармаев Ю.П. Указ. соч. – С. 129–130.

¹⁴ Крестников О.А. Система методологии криминалистики // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 52.

мые средства и методы уголовно-процессуального исследования преступлений, является теоретически корректным и практически оптимальным.

То, что изучение методических основ и проблем криминалистической методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него мы решили предпринять на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений, объясняется достаточно просто.

Эти преступления, как правило, носят коррупционный характер, которые в системе своей представляют прямую угрозу дальнейшему демократическому развитию нашего общества и государства. Тем не менее постоянно звучащие из уст руководителей государства, депутатов и журналистов всех уровней, в средствах массовой информации почти ритуальные заклинания о необходимости борьбы с коррупцией¹⁵, увы, практически не сказываются на повышении эффективности выявления и уголовно-процессуального исследования конкретных их фактов.

Причины этого, на наш взгляд, в определенной мере обусловлены недостаточной разработкой криминалистами методических основ данной наиболее существенной в современных условиях части деятельности уголовной юстиции. А потому необходимость дальнейшей разработки теории и практики уголовного преследования по фактам коррупции во всех ее проявлениях, как и профессиональной защиты от него, иными словами, сложность теории и практики уголовно-процессуального исследования коррупционных преступлений – очевидна.

И последнее замечание – оно касается архитектоники предлагаемой читателю работы. По ряду объективных и субъективных причин мы ограничили рамки нашего исследования досудебным производством по уголовным делам о должностных и служебных преступлениях и производством по ним в суде первой инстанции.

---

¹⁵ По одному остроумному замечанию, они зачастую напоминают выступления пчел, призывающих к активной борьбе с медом.

Глава 1

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

§ 1. Механизм слеодообразования как структурирующее начало конструирования криминалистической методики

При всем разнообразии формулировок (отдельные из которых будут приведены ниже) все исследователи едины во мнении: криминалистическая методика представляет приложение и соответствующую интерпретацию достижений частных теорий этой науки, криминалистической техники и криминалистической тактики к специфике расследования отдельных видов и категорий преступлений.

Поэтому, думается, в принципе можно согласиться с меланхоличным замечанием Ю.П. Гармаева и А.Ф. Лубина: при всем спектре современных определений этой категории и ее содержания при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что по сути в своих воззрениях на криминалистическую методику современные криминалисты не так далеко ушли от взглядов на нее В.И. Громова, предложившего в 1929 году сам термин «методика расследования отдельных видов преступлений», и Б.М. Шавера, сформулировавшего в 1938-м понятие и задачи этого раздела науки криминалистики¹⁶.

Так, например, по мнению Б.М. Шавера, «часть науки советской криминалистики, обобщающая опыт расследования отдельных видов преступлений, определяющая в строгом соответствии с требованиями советского уголовного процессуального закона и специфическими особенностями каждой категории дел научные приемы и методы раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений, называется методикой расследования отдельных видов преступлений, или частной методикой»¹⁷.

Практически аналогичное определение спустя много лет дал И.А. Возгрин: «Криминалистическая методика расследования преступлений, являясь самостоятельным заключительным разделом науки криминалистики, изучает закономерности организации работы следователей по уголовному преследованию лиц, совершивших преступные деяния, в целях выработки в соответствии с требованиями законов научно обоснованных и практически проверенных эффективных частных методик расследования отдельных видов преступлений»¹⁸.

Более отчетлива, на наш взгляд, приведенная нами во введении дефиниция, предложенная Р.С. Белкиным. Повторим ее: криминалистическая методика есть «синтезирующий раздел криминалистики, объединяющий положения криминалистической техники и криминалистической тактики в их специфическом преломлении применительно к условиям и задачам расследования конкретного вида преступлений. Содержит систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений».

Несколько достаточно очевидных примеров, раскрывающих суть этого определения.

Если криминалистическая техника разработала научные основы и методики работы с дактилоскопическими следами (пальцев рук, губ, ушей человека), то частная криминалисти-

---

¹⁶ См.: Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. – СПб., 2006. – С. 29.

¹⁷ См.: Криминалистика. Часть вторая / Под ред. С.П. Митричева и П.И. Тарасова-Родионова. – М., 1952. – С. 4.

¹⁸ Возгрин И. А. Введение в криминалистику. – СПб., 2003. – С. 240.

ческая методика расследования создает системы рекомендаций, на каких объектах наиболее вероятно наличие подобных следов, и раскрывает доказательственную значимость их обнаружения и идентификации с определенным лицом. Так, при расследовании насильственных преступлений наиболее значимо их обнаружение на орудии преступления; при расследовании взяточничества – на предмете взятки (хотя, обратим на это внимание, сами методы и методики криминалистической техники при этом модифицируются не часто).

Если следственная тактика – суть средства предупреждения и преодоления противодействия при производстве отдельных действий и в целом при осуществлении уголовного преследования, то частная криминалистическая методика расследования интерпретирует эти средства к возможным особенностям оказания такого противодействия при расследовании преступлений отдельных видов. Так, следственная тактика обосновала постулат: эффективность допроса напрямую обусловлена наличием у следователя психологического контакта с допрашиваемым, разработала принципы и общие приемы его установления. Однако, естественно, способы установления контакта разительно отличны в зависимости от того, допрашивается ли лицо в связи с его уголовным преследованием в совершении коррупционного преступления либо, например, сексуального посягательства. Именно частная методика дает рекомендации по способам установления контакта при расследовании преступлений соответствующего вида.

Нет сомнений и в том, что при создании криминалистической методики необходимой интерпретации подлежат не только средства и методы техники и тактики. В ней (что не отражено в приведенном выше определении Р.С. Белкина) творчески преломляются и достижения общей теории криминалистики, ее частных криминалистических учений (в первую очередь о механизмах совершения преступлений и слеодообразования, о следственных ситуациях, о преодолении противодействия расследованию и т. п.). Здесь эти достижения выступают и используются как частные результаты проявления соответствующих закономерностей.

Таким образом, из сказанного с очевидностью следует, что криминалистическая методика носит ярко выраженный прикладной характер, непосредственно обеспечивающий эффективность реализации назначения (задач) судопроизводства по уголовным делам о преступлениях, относящихся к отдельным их криминалистическим классификациям (об этом будет сказано ниже).

Данная, думается бесспорная, посылка делает вполне обоснованным изучение проблем криминалистической методики с позиций прагматического к ним подхода¹⁹.

Прагматизм же, напомним, видит наиболее яркое выражение человеческой сущности в действии; ценность или отсутствие ценности мышления ставится в зависимость от того, является ли оно действием, служит ли оно действию, жизненной практике²⁰. Прагматизм рассматривает значение понятий, суждений и прочего в терминах практических последствий основанного на них действия²¹.

В первую очередь такой подход позволит, как представляется, несколько иначе, более «прагматично», чем в известных нам работах других криминалистов, рассмотреть основные системообразующие элементы и их взаимосвязи (структуру) криминалистической методики. В частности, он избавляет от необходимости в очередной раз излагать историю возникновения и развития этой одной из основных категорий криминалистики и синтезирующего раздела

---

¹⁹ Прагматизм (от греч. *pragma*, род. п. *pragmatos*) – дело, действие. См.: Сов. энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 1063. Понятие прагматизма введено в современный научный оборот в 1878 году американским исследователем Чарльзом Сандерсом Пирсом. См.: Пирс Ч.С. Начала прагматизма. – СПб., 2000.

²⁰ См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 1999. – С. 359.

²¹ См.: Философская энциклопедия. Т. 4. – М., 1967. – С. 336–337.

этой науки, и он же позволяет в этой работе не вовлекаться в дискуссии по многочисленным теоретическим аспектам криминалистической методики, которые при всей своей несомненной важности все же непосредственно «не являются действием, не служат непосредственно ему».

В то же время мы весьма настороженно относимся к мнению А.С. Шаталова, что частная криминалистическая методика «должна содержать минимальное обоснование содержащихся в ней положений и должна быть представлена в виде криминалистических алгоритмов и программ расследования преступлений»²².

Уголовно-процессуальное исследование преступлений – процесс творческий. И, как в любом творчестве, потребитель криминалистической методики (следователь и другой иной профессиональный участник этого процесса) должен не механически следовать тому или иному разработанному в теории алгоритму (программе), но осмысленно понимать, почему определенный его шаг если не оптимален, то наиболее рационален для исполнения. А это невозможно без понимания им сущности «содержащихся в ней [методике] положений». Иными словами, потребитель методики должен быть вооружен знаниями не только о том, почему ему следует поступать определенным образом, но и о том, почему для него является оптимальным (рациональным) поступать именно предлагаемым способом (как говаривал А.В. Суворов, «каждый солдат должен понимать свой маневр»).

И с этих позиций начать необходимо с того, что нет ни малейшего сомнения в том, что обобщение криминалистического опыта расследования преступлений, относящихся к отдельным видам, – «от Якимова, Шавера до Белкина», главным образом, преследовало и преследует цель выявления – обнаружения в этом опыте неких общих черт. Именно это позволяет использовать их при расследовании конкретных преступлений и формулируемых криминалистами в виде постулатов (теоретических, научных положений), на основе которых и разрабатываются частно-методические рекомендации. По существу, эти положения, повторим, представляют собой результат проявления выявленных при изучении криминалистического опыта и теоретически обоснованных закономерностей, изучение которых составляет предметную область криминалистики, в преломлении их, как сказано выше, к задачам данного раздела этой науки.

Аксиоматично, что к таковым в первую очередь относятся носящие дихотомический характер закономерности механизма совершения преступления и его отражения вовне, ибо реконструкция любого события, имевшего место в прошлом, возможна лишь на основе логического осмысливания возникших в результате события следов.

Вот как на сугубо прагматическом уровне и в самом умышленно огрубленном виде (диктуемом жанром и сюжетом произведения) изложили это положение братья Стругацкие:

«– Я заснул на берегу океана... Когда я проснулся, то увидел: на мокром песке возле меня следы человеческих ног. Я поразмыслил и понял: пока я спал, мимо меня прошел человек. Откуда я это узнал? Ведь я не видел человека, я увидел только следы. Я размышлял: раньше следов не было; теперь следы есть; значит, они появились, когда я спал. Это человеческие следы – не следы волн, не следы камня, который скатился с горы. Значит, мимо меня прошел человек. Так размышляем мы...»²³

В криминалистической литературе механизм совершения преступления чаще всего рассматривается как сложная динамическая система, структурируемая его подготовкой, соверше-

---

²² Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы в системе методики расследования преступлений / В кн.: Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства. Ч. 1. – М., 2007. – С. 433.

²³ Стругацкие А. и Б. Неназначенные встречи. – М., 1980. – С. 296.

нием и сокрытием²⁴. В свою очередь, эту систему, сам «механизм преступного поведения (как о том пишет В.Е. Корноухов) детерминируют две подсистемы – свойства личности и внешняя среда»²⁵.

В принципе такое понимание структур данных механизмов (совершения преступления и преступного поведения) возражений, на наш взгляд, вызвать не может. Более того, оно представляется верным и с позиций системного подхода к изучению сложных объектов, одно из основополагающих положений которого гласит: «Поскольку свойства системы присущи только ей самой, но не ее частям, то стоит разделить ее на части, как эти свойства исчезнут... Разделив систему надвое, мы получим не две меньшие, а одну недействующую»²⁶.

Мы несколько не преуменьшаем неразрывную значимость личности и среды в структуре механизма совершения *конкретного* преступления, *конкретного* преступного поведения. Однако все же, по нашему убеждению²⁷, с прагматических позиций для понимания механизмов преступления и преступного поведения как *категорий* криминалистики первостепенное значение имеет несколько иная система, которую вряд ли можно непосредственно отнести к среде: диспозиции определенных статей уголовного закона, типовые способы и типовая мотивация возможной их реализации субъектом.

Дело в том, на наш взгляд очевидном, факте, что для совершения преступления, относящегося к тому или иному виду, лицу *независимо от его субъективных качеств и криминальной ситуации* (о значимости которых с позиций методики речь пойдет ниже), необходимо совершить ряд типовых действий.

Сущность и характер этих действий предопределяются несколькими факторами.

1. *Содержанием соответствующей главы Общей* (в частности, расположенные в ее разделе 2 понятия преступления, его субъекта, формы вины, виды соучастия и т. д.) *и Особенной частей УК РФ* (объектом посягательства), а если рассматривать эту проблему с сугубо прагматических позиций, то *в первую очередь содержанием диспозиции* отдельной нормы (норм) уголовного закона, которая очерчивает непосредственный объект и предмет определенного уголовно наказуемого посягательства.

Сразу же оговоримся: совершая преступление, его субъект, разумеется, осмысленно не ориентируется на то, насколько «вписываются» его действия в диспозицию той или иной статьи Уголовного кодекса (исключением из этого, видимо, являются преднамеренные преступления, в частности скрываемые инсценировками либо носящие заказной характер). Однако их противоправность, уголовно-правовая наказуемость всецело предопределяются именно этим: их соответствием определенной модели, в качестве которых и выступают диспозиции уголовно-правовых норм

Так, например, для совершения убийства субъекту, вновь повторим, независимо от своих личных качеств и криминальной ситуации, необходимо противоправно и виновно лишить потерпевшего жизни; в противном случае о совершении оконченного преступления – убийства – говорить не приходится. Для изнасилования субъекту необходимо путем применения насилия или с угрозой его применения преодолеть сопротивление потерпевшей либо использовать ее беспомощное состояние и совершить половой акт – иначе

---

²⁴ См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – С. 117. Изучению проблем механизма преступления посвящен ряд монографических работ, см., напр.: Кустов А.М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. – М., 1997; Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. – Н. Новгород, 1997.

²⁵ Курс криминалистики. Общая часть / Под ред. В.Е. Корноухова. – М., 2000. – С. 39.

²⁶ Джозеф О. Коннор, Макдермотт И. Искусство системного мышления. – М., 2006. – С. 35.

²⁷ По одному остроумному замечанию, «убеждения это то, что мы, вопреки всем свидетельствам, считаем истинным»; см.: Коннор Д., Макдермотт И. Указ. соч. – С. 80.

в действиях этого субъекта не будет содержаться объективной стороны оконченного деяния, предусмотренного статьей 131 УК РФ. Для совершения кражи – тайно похитить чужое имущество; для грабежа – похитить его открыто и т. д.

Здесь, думается, необходимо следующее отступление. Действия, составляющие объективную сторону состава многих преступлений, с криминалистических позиций не только весьма сходны, но и практически аналогичны.

К примеру, для следователя нет принципиальной разницы, какой тяжести телесные повреждения были причинены потерпевшему – легкие, средней тяжести или тяжкие, хотя ответственность за их причинение предусмотрена в отдельных статьях Уголовного кодекса; главное с этих позиций, что потерпевший продолжает оставаться источником информации о преступлении и его обстоятельствах.

В то же время расследование причинения тяжкого вреда потерпевшему, от которого он, не приходя в сознание, скончался в больнице, принципиально не отличается от расследования убийства.

Расследование взяточничества, коммерческого подкупа, большинства других умышленных преступлений по должности и службе, несмотря на то что уголовная ответственность за эти преступления предусмотрена отдельными нормами, более того – с учетом объекта посягательства, расположенными в разных главах Уголовного кодекса, имеет (что мы и рассчитываем доказать далее) одну методическую основу.

Попутно обратим внимание на то, что применительно к расследованию взяточничества и коммерческого подкупа наш вывод полностью подтверждается тем, что уголовная ответственность за провокацию как взятки, так и коммерческого подкупа предусмотрена единой уголовно-правовой нормой (ст. 304 УК). Тем самым законодатель по существу как бы презюмирует, что методика расследования провокации как взятки, так и коммерческого подкупа, без использования которой совершившее это преступление лицо нельзя изобличить и привлечь к уголовной ответственности, не может быть различной, она – едина.

Сказанное, на наш взгляд, крайне актуализирует необходимость создания стройной системы криминалистической классификации преступлений, можно сказать – криминалистического кодекса. Не случайно в настоящее время проблемам криминалистических классификаций преступлений в литературе по праву уделяется повышенное внимание²⁸.

В силу значимости этой проблемы в контексте данного исследования она более подробно будет рассматриваться далее. Здесь же (в определенной степени обобщая мнения ряда криминалистов по данной проблеме) лишь скажем, что, по нашему мнению, криминалистическая классификация преступлений есть опосредующая уголовно-правовую их классификацию систематика преступлений на основе единства механизма совершения отдельных видов и групп преступлений, других наиболее стабильных элементов криминалистической характеристики преступлений и соответствующего единства их отражения вовне.

С прагматических позиций «работоспособная», отвечающая потребностям правоприменительной практики криминалистическая классификация преступлений должна конструиро-

---

²⁸ Проблемам криминалистической классификации преступлений, в том числе в ретроспективном ракурсе, посвящены работы А.Р. Белкина, Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, И.А. Возгрина, И.Ф. Герасимова, А.Н. Колесниченко, В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и многих других известных криминалистов.

ваться на основе двух взаимосвязанных и взаимообусловленных системообразующих элементов:

а) на принципиальном единстве содержательной стороны диспозиций соответствующих уголовно-правовых норм и

б) на принципиальном единстве содержания механизмов возникновения доказательственной информации и формирования доказательств, обусловливаемых реализацией этих диспозиций.

В связи с этим представляется, что применительно к методике речь следует вести не просто о расследовании *отдельных* видов преступлений, а о расследовании *криминалистически определенных видов преступлений*, структурированных на основе научно обоснованных криминалистических классификаций преступлений.

И еще одно замечание: следователь все же расследует не отдельный *вид* преступлений, а преступление, *относящееся* к тому или иному криминалистически определенному виду преступлений. А потому, думается, с прагматических позиций более корректно при разработке практических рекомендаций криминалистической методики использовать именно такое словосочетание: *методика расследования преступлений отдельных криминалистических видов*.

Вернемся, однако, к типовым действиям, которые должен совершить субъект преступления для реализации диспозиции той или иной нормы уголовного закона, иными словами, чтобы эти действия «вписывались» в эту диспозицию.

Нам представляется, что именно установление этого исходного элемента механизма преступления составляет задачи доследственной проверки заявления или сообщения о факте предполагаемого криминального события. Условно данный этап можно, думается, именовать пилотажной (предварительной) реконструкцией события преступления.

Сущность его заключается в «переборе» выявляемых фактов, делающих наиболее вероятной одну из типовых версий, которой гипотетически можно объяснить исследуемое происшествие. Так, смерть человека можно объяснить исчерпывающим перечнем приведших к такому исходу причин (типовых версий): ненасильственная смерть; несчастный случай; самоубийство; убийство. Выявленную у материально ответственного лица недостачу ценностей, разумеется, иным, но также исчерпывающим перечнем причин: счетной ошибкой; кражей, совершенной посторонними лицами; халатностью, злоупотреблением служебным положением; присвоением этих ценностей материально ответственным лицом.

Придя к выводу, что наиболее вероятным на данной стадии представляется криминальный характер исследуемого события, следователь на этом основании возбуждает уголовное дело *по признакам преступления, предусмотренного соответствующей статьей Уголовного кодекса*.

Такая формулировка статьи 140 УПК с очевидностью свидетельствует о том, что на данной стадии осуществляется именно пилотажная, предварительная реконструкция события преступления, далеко еще не означающая ее достоверность; в конечном счете может быть установлено, что деяние либо не является преступным, либо должно быть квалифицировано по другой статье, чем та, по признакам которой возбуждается уголовное дело.

Заметим, что, на наш взгляд, подобная пилотажная реконструкция события преступления является задачей и существенной частью первоначального этапа расследования по возбужденному уголовному делу, особенно в тех случаях, когда без производства следственных действий сделать достоверный вывод, носит ли исследуемое деяние криминальный характер, невозможно.

2. *Реально возможными способами реализации субъектом объективной стороны диспозиции определенного уголовно наказуемого деяния, которое он решил совершить*²⁹.

---

²⁹ «Под способом совершения преступления, – справедливо, на наш взгляд, пишет В.Е. Корноухов, – следует пони-

Так, задумав убийство Н., преступник может его совершить способами и средствами, лежащими в самом широком диапазоне: от использования для этого бытовых предметов (молотка, топора и т. д.) до применения взрывных устройств, ядов и радиоактивных материалов.

Несколько слов в отношении последнего способа: широко известен факт смерти 23 ноября 2006 года в Лондоне в результате отравления полонием-210 бывшего сотрудника российских спецслужб Александра Литвиненко, дело о чем в настоящее время активно расследуется правоохранными органами как Великобритании, так и нашей страны.

Попутно заметим, что, насколько нам известно, в данном случае имело место умышленное убийство, пока достоверно не установлено (во всяком случае, лично нам на основе информации по данному делу, «циркулирующей» в различных средствах массовой информации, наиболее вероятной представляется версия об отравлении потерпевшего радиоактивными веществами в результате неосторожного обращения с ними).

Это еще раз подтверждает наш тезис о предварительном (пилотажном) характере реконструкции механизма совершения преступления на значительной части первоначального этапа расследования.

Преодолеть сопротивление потерпевшей насильник может также различно: от нанесения ей телесных повреждений до угрозы применения какого-либо предмета (пистолета, ножа) и т. п.; проникнуть в помещение для совершения квартирной кражи субъект может путем подбора ключа от входной двери или ее взлома, через форточку или балкон либо другим из возможных многочисленных способов.

Очевидно, что, говоря о способе совершения преступления, мы имеем в виду как все стадии реализации преступного умысла – от приготовления и исполнения до сокрытия преступления, так и во многом обусловленные выбранным способом возможные формы соучастия в его совершении – от соисполнительства до интеллектуального участия в нем (в виде организации или подстрекательства). Заметим, что здесь имеет место и достаточно отчетливо прослеживается обратная связь: к примеру, совершение преступления группой лиц с определенными видами соучастия предопределяет и способы его непосредственного исполнения.

Можно с весьма высокой степенью вероятности предположить, что способы совершения преступлений одного вида достаточно стабильны, отступления от них, появление новых (и самих способов, и их вариаций) не так часто встречаются в практике расследования преступлений. Но тем не менее это, как говорится, имеет место быть. Такие перманентные изменения объекта и предметов преступных посягательств обуславливаются, в частности, изменением экономических отношений в обществе и возможностями использования достижений научно-технического прогресса в криминальных целях.

К примеру, реанимация реального института частной собственности в нашей стране привела к ранее многие десятилетия не встречавшимся в следственной практике криминальным способам завладения ею – от инсценировок страховых случаев и подлогов завещаний до такого ранее неизвестного способа (во всяком случае, в нашей стране), как рейдерство.

«Рейдер – военный корабль, выполняющий самостоятельные боевые действия на морских и океанских путях сообщений, главным образом в целях уничтожения неприятельской морской торговли»³⁰.

мать систему действий, приемов, операций, которые направлены на достижение преступной цели и объединены пространственно-временными рамками». См.: Указ. соч. – С. 44.

³⁰ Словарь иностранных слов. – М., 1955. – С. 598.

И хотя «в строгом смысле слова этот термин заимствован из практики морского разбоя, он, – верно замечает А.М. Каминский, – весьма метко отражает пиратскую сущность данного вида деятельности, ставшего в последнее время серьезной «статьей дохода» ОП [организованной преступности]»³¹.

Развитие компьютерных технологий – от хакерства, мошенничества в системах мобильной сотовой связи и хищений денежных средств, хранящихся на пластиковых банковских картах, до широчайшего использования информационных ресурсов и возможностей Интернета в иных преступных целях.

Именно это ставит перед криминалистами в качестве одной из основных задач не только своевременное отслеживание вновь возникших способов совершения преступлений, но и прогнозирование появления новых способов криминальной деятельности. Иными словами, необходимость «опережающего» создания частных криминалистических методик, в первую очередь связанных с возникновением отдельных видов преступлений в сфере экономической деятельности. Здесь сложилась достаточно парадоксальная ситуация: дела об этих преступлениях если и возбуждаются, то плохо расследуются в связи с отсутствием соответствующей научно обоснованной частной методики; последнюю же затруднительно создать, не обобщив передовую практику расследования таких преступлений...³²

Из сказанного следует, что вторым шагом алгоритма частной криминалистической методики будет установление способа совершения преступления. Его осознание позволит следователю с весьма высокой долей вероятности предположить необходимые действия преступника по подготовке, совершению и сокрытию исследуемого деяния: сформулировать такие же предположения об орудии насильственного преступления (оружии или ином предмете, в этом качестве использованных), о документах, использованных для совершения и сокрытия экономического или должностного преступного правонарушения. Это же, в свою очередь, приблизит следователя к наиболее целеустремленному определению объектов, на которых возникли следы от данного элемента механизма преступления, к пониманию сущности таковых, а следовательно, к определению действий, необходимых для их обнаружения, изъятия и исследования (о чем более подробно будет говориться чуть ниже).

3. Мотивами совершения преступления.

Мотивация преступлений как элемент механизма их совершения еще более стабильна, чем способы преступной деятельности. Колеблется она в достаточно узком, исторически мало изменяющемся диапазоне – от личных отношений между субъектами (зависти, ревности, бытовых конфликтов³³ и т. п.), желания удовлетворить противоправным способом свои личностные потребности (в том числе извращенные³⁴) до социальных и экономических причин криминальной деятельности.

В самом широком смысле возможная мотивация преступлений опосредована в общем и непосредственном объекте преступления, что и предопределяет уголовно-правовую класси-

---

³¹ Каминский А.М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования. Ч. 2. – Ижевск, 2007. – С. 54.

³² См. об этой проблеме подробнее: Мальшикин П.В. О необходимости разработки «опережающих» (прогностических) методик расследования преступлений в сфере экономической деятельности / В сб. ст.: Уральская школа криминалистики: формирование, современное состояние и перспективы развития. – Екатеринбург, 2007. – С. 167–171.

³³ Вспомним мотивацию первого «документально зафиксированного» убийства: «И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его. И... восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт.: 4).

³⁴ Наиболее характерными примерами этого является мотивация деятельности серийных сексуальных маньяков.

фикацию преступлений в наименованиях разделов и глав Особенной части УК (например, раздел «Преступления против личности» включает в себя главы «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности»; раздел «Преступления в сфере экономики» содержит главы от «Преступления против собственности» до «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»).

Непосредственная мотивация совершения преступления того или иного вида такова, можно сказать, как закон предопределяет действия субъекта по ее реализации. Одни действия преступника будут при совершении убийства с целью завладения имуществом потерпевшего; другие – при совершении убийства (может быть, того же потерпевшего и в тех же условиях) по сексуальным мотивам. То же самое прослеживается при изучении механизма совершения квартирных краж: одни действия на месте происшествия преступник будет совершать, если мотивом кражи является завладение определенными предметами (антиквариатом, картинами, орденами, монетами и другими объектами нумизматики и т. д.), другие – когда мотивом ее является «взять, что попадется под руку».

Вторым постулатом, структурирующим прагматические основы криминалистической методики, на наш взгляд, выступает следующее соображение.

Типовые действия, которые преступник вынужден совершать при приготовлении, исполнении и сокрытии преступления криминалистически определенного вида, его мотивы и способы выполнения неизбежно и неукоснительно ведут к возникновению характерных следов на соответствующих преступлениях этого вида, их мотивации и способам реализации объектов. Иными словами – обуславливают механизм слеодообразования как объективно возникающего отражения (отображения) механизма самого совершения преступления. Результаты этого процесса отражения возникают и существуют объективно, вне воли и сознания воспринимающих их субъектов.

Попутно заметим: мы не можем согласиться с утверждением В.В. Николайченко, что «содержание сознания субъекта преступной деятельности непосредственно отражается вовне и представляет собой механизм слеодообразования»³⁵. Все же его, по нашему мнению, образует не само сознание субъекта, а его действия; именно они и ведут к слеодообразованию.

Они, и только они, позволяют реконструировать механизм совершения преступления, создать адекватную его модель. А «именно

в модели механизма преступления, – справедливо отмечают Ю.П. Гармаев и А.Ф. Лубин, – имеются такие свойства и их отношения, следствия которых позволяют формировать структуру конкретной методики расследования»³⁶.

Здесь, однако, думается, уместно еще одно небольшое отступление.

Всегда – со времен Каина и Авеля – на местах преступлений оставались отпечатки пальцев рук. Всегда с момента возникновения огнестрельного оружия на использованных боеприпасах (ядрах, пулях, гильзах) оставались трасологические отображения особенностей внутреннего канала ствола. Всегда микрочастицы одежды нападающего переходили на одежду пострадавшего (и наоборот) как следствие контактного взаимодействия между этими лицами (разумеется, если таковое имело место), но пока не были созданы и разработаны основы дактилоскопии, судебной баллистики, так называемой экспертизы наложения (исследования микрочастиц веществ и материалов) и не созданы соответствующие методики исследования этих

---

³⁵ Николайченко В.В. Указ. соч. – С. 131.

³⁶ Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Указ. соч. – С. 57. Обратим внимание: еще Б.М. Шавер первоначальной задачей методики считал «с наибольшей точностью устанавливать, где обычно остаются следы преступлений данного вида». А решение этой задачи, разумеется, невозможно без выяснения механизма совершения этих преступлений, создания их адекватных моделей.

видов информации, она не представляла интереса для следователей, была «вещью в себе», хотя, конечно же, возникала и существовала объективно.

По мере того как криминалистика не только осознает значимость отдельных результатов такого отражения для расследования преступлений, но и создаст методики извлечения (обнаружения, фиксации), исследования и использования возникающей информации, эта ее часть осмысливается как следы преступления. Именно их и будет целенаправленно искать, а затем «перерабатывать» (изымать, исследовать и т. д.) следователь.

«Часть информации, – верно пишет об этом же Л.А. Суворова, – осознается следователем как след преступления лишь тогда, когда он воспринимает ее именно в этом качестве, а наука криминалистика имеет методики обнаружения, фиксации, извлечения и использования возникающей информации (части отражения) в уголовно-процессуальном доказывании»³⁷.

Процесс осознания криминалистического значения все большей части объективно возникающей информации – перманентно-поступателен. Характерный пример тому – появление понятия виртуальных следов преступления, основанного на том, что особенности компьютерных (высоких электронных) технологий, используемых зачастую на различных стадиях преступной деятельности (от приготовления к совершению преступления до его сокрытия), вне зависимости от желания пользователя влечет возникновение информации, которую можно использовать в криминалистических целях.

Виртуальные следы, пишет В.А. Мещеряков, одним из первых обративший внимание на эти особенности, есть следы, сохраняющиеся «в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой информации, занимающей промежуточное положение между материальными и идеальными»³⁸.

Именно на этом, в частности, основаны все чаще используемые при расследовании преступлений особенности мобильной сотовой связи – от установления факта связи двух абонентов между собой до определения с высокой точностью места нахождения конкретного мобильного телефона, участвующего в переговорах³⁹.

Обусловленные механизмом совершения преступления, относящегося к определенному виду, материальные и идеальные следы отражаются на соответствующих этому материальных объектах и в памяти так или иначе вовлеченных в орбиту совершения преступления лиц (потерпевших, свидетелей). Очевидно, что количество их различно и, видимо, конечно для соответствующего расследованию конкретного преступления уровня развития криминалистики: по преступлениям одного вида возникает большое количество следов материальных (примером тому является следообразование от насильственных преступлений); по другим (например, от должностных и служебных преступлениях) – следов идеальных. Так же обстоит дело со следами, отражающими участие отдельных лиц в совершении преступления, носящего групповой характер: действия исполнителя, как правило, влекут возникновение следов материальных, а таких его интеллектуальных соучастников, как организатор и подстрекатель, возникновение чаще всего лишь идеальных следов⁴⁰.

---

³⁷ Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике. – М., 2006. – С. 22.

³⁸ Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации. – Воронеж, 2002. – С. 102.

³⁹ Об этом см.: Баев О.Я., Мещеряков В.А. О возможностях использования особенностей сотовой связи для раскрытия и расследования преступлений // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 7. – Воронеж, 2006; Они же. Использование информации современных систем мобильных коммуникаций в расследовании преступлений // Безопасность информационных технологий. – 2006. – № 1.

⁴⁰ Именно поэтому, на наш взгляд, столь насущно необходима незамедлительная правовая легализация сделок с правосу-

Сказанное позволяет сформулировать следующий прагматический постулат: типовые действия, необходимые для совершения преступления определенного вида, а потому, как показано, обуславливающие возникновение типовых следов на типовых для того объектах, с методологической точностью предполагают возможность их обнаружения, извлечения, исследования и использования типовыми действиями следователя и других лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование (как некогда заметил Г. Лонгфелло, «предвиденное должно обнаружить»).

Основными из этих типовых действий являются (что очевидно) следственные действия и действия судебные следственного характера, исчерпывающий перечень которых регламентирован уголовно-процессуальным законом (а также ряд других мероприятий, также предусмотренных УПК, например извлечение информации из «иных документов» и т. д.).

Напомним, что УПК опосредовал следующую систему следственных действий: 1) допрос (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта и специалиста); 2) очная ставка; 3) назначение и производство экспертизы; 4) осмотр (места происшествия, жилища и иного помещения, трупа, предметов и документов); 5) освидетельствование; 6) обыск (в жилище, в ином помещении, личный, на местности); 7) выемка (обычная, документов, содержащих государственную тайну, почтово-телеграфных сообщений); 8) следственный эксперимент; 9) предъявление для опознания; 10) проверка показаний на месте; 11) контроль и запись телефонных и иных переговоров⁴¹.

Конечно, нет сомнений, что в процесс уголовно-процессуального исследования преступлений, в том числе (а может быть, в первую очередь) должностных и служебных, их раскрытия и расследования все активнее вовлекаются результаты оперативно-розыскной деятельности. В ходе ее инициативно или по поручению следователя соответствующими спецификой этой деятельности методами и средствами обнаруживаются и извлекаются эти же типовые следы. Но, как известно, используются они в уголовно-процессуальном доказывании лишь в том случае, когда отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, а потому чаще всего опосредуются путем следственных действий (допустим, следственным осмотром видео– или аудиозаписи, осуществленной в процессе оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и приобщенной к делу в качестве вещественного доказательства и т. п.).

Проблемы пределов использования результатов ОРД в судебном доказывании в силу их повышенной значимости активно обсуждаются в криминалистической литературе. Вполне очевидно, что по ним высказаны различные мнения.

Не считая необходимым включаться здесь в данную дискуссию (по отдельным связанным с этими проблемами вопросам мы выскажем свое мнение далее), тем не менее не можем не обратить внимание на следующую реплику, прозвучавшую со страниц академического журнала «Государство и право»:

«Уголовное судопроизводство в силу своего консерватизма и уязвимости относится недоверчиво к сведениям, установленным в рамках иной деятельности (в данном случае имеется в виду оперативно-розыскная деятельность. – *О.В.*). Так происходит потому что в сознании юриста существует уверенность, что одно лишь соблюдение формы может обеспечить

дией, без чего, как это убедительно показывает международный опыт, выявление и изобличение интеллектуальных соучастников преступлений практически невозможно.

⁴¹ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М., 2001; Он же. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – М., 2004.

достоверность результата... и потому большинству людей, по слабости духа (!!! – *О.В.*), необходимо «объективное обоснование», на которое можно опереться. Когда-то это была «воля богов», сейчас – норма (форма) закона»⁴².

Не беремся утверждать, чего в этих словах больше: банального бытового невежества или простого вульгарно-нигилистического отношения к закону...

Зная гносеологические возможности каждого из следственных и других действий и мероприятий по собиранию, исследованию и использованию отдельных видов следов преступления, возникающих (повторим) на типовых объектах и типовых по своему криминалистическому содержанию, возможно без особого труда составить их набор, минимально необходимый для производства расследования конкретного преступления криминалистически – определенного вида.

Можно, на наш взгляд, с уверенностью констатировать следующее: чем разнообразней механизм следообразования, чем больше количество объектов, на которых остаются следы, отражающие механизм совершения преступления определенного вида, чем разнообразней и стабильней сами эти следы, тем большими возможностями располагает следователь для переработки механизма следообразования, а следовательно, для раскрытия и успешного расследования этих преступлений. И напротив, это же обстоятельство существенно усложняет деятельность адвоката по защите своего клиента от уголовного преследования в совершении такого преступления.

Именно поэтому раскрытие и расследование умышленных убийств, как это на первый взгляд ни выглядит парадоксальным, значительно эффективней, чем, скажем, взяточничества, квартирных краж и многих преступлений других видов.

Дело в том, что в результате совершения убийства следы возникают на таких как минимум объектах: 1) место происшествия; 2) тело и одежда погибшего; 3) орудие преступления; 4) мотив преступления; 5) тело и одежда исполнителя убийства; 6) идеальные следы (в памяти самого убийцы, очевидцев, других свидетелей). Следы эти весьма разнообразны и, главным образом, в силу своей материальности достаточно устойчивы.

В результате же, например, взяточничества (и в соответствующей интерпретации любого иного умышленного преступления по должности и службе, речь о чем подробнее пойдет ниже) количество следовоспринимающих объектов вдвое меньше: 1) документы, в которых отразилось действие, выполненное должностным лицом за взятку; 2) предмет взятки; 3) идеальные следы в виде, главным образом, показаний взяткодателя, посредника, взяткополучателя.

Механизм совершения квартирных краж в целом отражается на таком же количестве (но, естественно, иных) объектов: на месте происшествия; в виде похищенных предметов; в памяти потерпевшего, самого преступника, свидетелей, которым были переданы похищенные ценности.

И этим во многом, если не в основном, объясняется то, что процент раскрываемости убийств значительно выше, чем квартирных краж, а большинство фактов взяточничества и коррупции либо вообще остаются латентными, либо уголовные дела по ним до суда «не доходят».

Говоря о механизме следообразования, следует также обратить внимание, что отсутствие как будто бы необходимого следа – это тоже след. Оно может указывать:

во-первых, на то, что в конкретных условиях (конкретной криминальной ситуации) лицу не было необходимости в некоем вообще-то типовом для механизма совершения этого вида преступлений действии. Например, отсутствие следов проникновения в помещение дает основание предположить, что кража из него (если сам факт ее совершения сомнений не вызывает)

---

⁴² Баранов А.М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. – 2007. – № 8. – С. 64.

того от преступника не требовала, в частности совершена лицом, имеющим в него свободный доступ;

во-вторых, на то, что неизбежно возникшие следы умышленно или по неосторожности после совершения преступления уничтожены (скажем, отсутствие отпечатков пальцев на оружии преступления, следов обуви на месте происшествия и т. п.);

в-третьих, на то, что следы попросту не обнаружены следователем по различным причинам, в том числе из-за непрофессионализма, незнания методических основ расследования преступлений данного вида, незнания того, на каких объектах ему необходимо искать следы и в чем состоит их криминалистическая и доказательственная сущность. Заметим: в отдельных случаях криминалистически значимые следы на изъятых следователем объектах могут остаться латентными в результате методически некачественного или поверхностного их исследования в рамках назначенных следователем экспертиз;

в-четвертых, наконец, если все вышеуказанные обстоятельства исключаются (необходимое действие для совершения преступления по имеющимся сведениям было произведено; следы от него не уничтожались; все возможные действия по их выявлению и исследованию были своевременно и качественно произведены), то отсутствие необходимого следа дает основание выдвинуть версию, ставящую под сомнение сам факт совершения преступления либо существенные обстоятельства последнего.

Например, если потерпевшая в своих показаниях сообщает, что насильник причинил ей телесные повреждения, а судебно-медицинская экспертиза таковых на теле потерпевшей не обнаружила, то это свидетельствует о том, что либо изнасилование вообще не имело место, либо не было связано с применением физического насилия, и потому показания потерпевшей об этом недостоверны. Установленная следственным экспериментом невозможность проникнуть через обнаруженный пролом в потолке в помещение, из которого согласно заявлению была совершена кража, делает вполне обоснованной версию об инсценировке этого преступления заинтересованным в том лицом.

Но не только отсутствие как будто бы необходимых следов искажает типовой механизм следообразования. Не меньшее значение для этого имеет наличие следов, типовым механизмом совершения преступления вида, к которому относится расследуемое, не обусловливаемых.

Существование их с прагматических позиций можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, тем, что они к совершению преступления отношения вообще не имеют (возникли до или после того) и потому, по большому счету, к механизму совершения преступления не относятся, следами преступления не являются, а лишь на определенном этапе расследования воспринимаются следователем как таковые.

«Я знаю случаи, – писал еще Ганс Гросс, – в которых С.С. (судебный следователь. – О.Б.) описывал с педантичной тщательностью положение трупа и приходил к остроумнейшим заключениям, как вдруг при дальнейшем расследовании оказывалось, что труп до прибытия С.С. был перевернут и оставлен в этом положении посторонними любопытными лицами. В одном же деле на предварительном следствии большое значение при осмотре трупа придано было найденному на трупе пиджаку, но затем выяснилось, что пиджак был накинут на труп для того, чтобы избавить прохожих от страшного вида раздробленного черепа»⁴³.

---

⁴³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М., 2002. – С. 158.

Автору известен случай, когда на месте убийства непосредственно около трупа были обнаружены объемные следы обуви, впоследствии идентифицированные с обувью Иванова (фамилия изменена). Дальнейшее расследование показало, что Иванов ночью, будучи в сильной степени опьянения, споткнулся о труп и, не заметив его, пошел дальше. Отметим, что до того, как был установлен и изобличен настоящий убийца, Иванов содержался под стражей по обвинению в его совершении.

Известный криминалист Н.И. Порубов в весьма поучительной книге воспоминаний описывает случай, когда при повторном осмотре места убийства была обнаружена страница из журнала «Работница». В результате большой и кропотливой работы по проверке всех подписчиков этого журнала в районе, где было совершено преступление, было установлено, что этот лист вырван из журнала, получаемого в доме участкового уполномоченного милиции. Будучи в определенной степени заподозренным к причастности к совершению данного преступления, тот при допросе вспомнил, что в день обнаружения трупа перед выездом на место этого убийства завернул кусок сала в бумагу, для чего вырвал лист из какого-то журнала, находившегося на этажерке. По дороге он съел сало, а когда вытаскивал труп, вытер бумагой руки и бросил под ноги⁴⁴.

Вспомним, наконец, чеховских следователей, которые, обнаружив на месте исчезновения Кляузова шведскую спичку и другие улики, делали весьма остроумные (по выражению Г. Гросса) выводы о несомненно состоявшемся убийстве и убийцах... А в результате, как известно, убиенного нашли живехоньким в бане. Что сделаешь: «Любовь, водка и закуска!»

Во-вторых, тем, что эти «лишние» следы умышленно созданы преступником для введения в заблуждение лиц, которые будут расследовать это событие, с целью либо обоснования его некриминального характера, либо, напротив, формирования сведений о совершении преступления неким не имеющим отношения к преступлению лицом (в том числе легко по этим следам устанавливаемым).

Говоря об этом, заметим, что редко, но, увы, имеют место в практике случаи создания таких «объектов и следов» не преступниками, а самим лицами, расследующими преступление.

В уже упоминавшейся книге воспоминаний Н.И. Порубов приводит несколько примеров таких фальсификаций по печально известному делу «витебского» серийного маньяка Михасевича.

Под прессом указаний начальства, требующих немедленного раскрытия очередного убийства, в одном случае обыскиваемому было подкинута фото потерпевшей, которое находилось во время убийства у нее в сумочке, а сумочка исчезла. В другом случае на месте происшествия были сделаны гипсовые слепки со следов сапог. У подозреваемого изъяли сапоги, с них отлили гипсовые слепки, уничтожив те, которые отлили на месте происшествия, и направили сапоги подозреваемого и слепки с этих сапог на экспертизу. Очевидно, что эксперты совершенно обоснованно пришли к выводу, что именно этими сапогами оставлены следы, слепки которых предоставлены на исследование. «После этого заключения, – пишет далее автор, – прокурор дал санкцию на арест, следователь получил от

---

⁴⁴ См.: Порубов Н.И. Полвека с криминалистикой против криминала. Записки старого криминалиста. – Минск, 2007. – С. 139.

загнанного в угол подозреваемого «признательные» показания, а судья вынес неправосудный приговор»⁴⁵.

В-третьих, тем, что они возникли в результате действий преступника, необходимость совершения которых логикой реализации механизма преступления не вызывалась либо их совершение было предопределено непредвиденным для преступника развитием криминальной ситуации либо, наконец, обусловлены исключительно субъективными, проявившимися при совершении преступления, свойствами и особенностями личности преступника.

И по нашему мнению, только на этом этапе, на этой основе (в противоположность мнению большинства криминалистов) – после осознания следователем типового механизма следообразования в результате совершения преступления определенного вида и обозначенных выше «отступлений» от него – для следователя «включается» личность конкретного преступника, модифицировавшего типовой механизм следообразования. Личность, которая создала криминальную ситуацию (или использовала определенную ситуацию для совершения преступления).

Иными словами, на этой основе начинается целеустремленная последовательная реконструкция механизма совершения преступления (напомним, что на предыдущем этапе реконструировалось само событие, которое с высокой долей вероятности является преступным) и возникают возможности установления лица, его учинившего.

Дело в том, что типовой механизм совершения преступления определенного вида достаточно существенно трансформируется под воздействием на него личности преступника, его психических, интеллектуальных, психолого-физиологических и, наконец, просто физических свойств и особенностей; каждый преступник вносит в типовой механизм преступного поведения нечто свое, личностное.

Так, к примеру, эти личностные особенности предопределяют пространственно-временные рамки механизма преступного поведения, очерченные действиями от начала реализации преступного умысла (с момента его подготовки к преступлению) до сокрытия либо самого факта совершения преступления, либо своей причастности к нему. А потому, несомненно, механизм совершения так называемого преднамеренного убийства, тщательно подготовленного, выполненного и сокрытого путем инсценировки определенного некриминального события, будет отличен от механизма убийства, может быть, того же потерпевшего, но совершенного спонтанно, ситуативно.

Личностные факторы, имеющиеся у субъекта навыки исполнения тех или иных действий предопределяют зачастую и особенности способов реализации им умысла на совершение преступления, что дает основания для выдвижения соответствующей следственной версии.

Субъект, ранее проходивший службу в морской пехоте, с целью убийства установил самодельное взрывное устройство под капот автомобиля между радиатором и двигателем.

И.Г. Русаков, проанализировавший уголовное дело, расследованное по данному факту, пишет: «Он [субъект] действовал привычно, используя навыки, полученные в процессе армейской службы. Однако в Вооруженных Силах взрывные устройства устанавливаются таким образом, чтобы направлять взрывные энергию и мощность вверх. Для достижения же

---

⁴⁵ Порубов Н.И. Указ. соч. – С. 143.

преступных целей нужно было направить разрушительную силу в салон автомобиля, чего не позволил сделать двигатель»⁴⁶.

Да и сама криминальная ситуация во многом предопределяется особенностями личности, совершающей преступления определенных видов. Субъект преступления либо использует сложившуюся ситуацию, либо, напротив, конструирует ситуацию, наиболее благоприятную, по его мнению, для реализации имеющегося у него или незадолго до того возникшего преступного умысла. Факты совершения преступлений без учета их субъектами складывающейся благоприятной или неблагоприятной для того ситуации нечасты, более всего они характерны для так называемых спонтанных преступлений.

Достаточно показательны в этом отношении данные, приводимые В.Е. Корноуховым: личность «преобладает» над ситуацией в 75 % совершения преступлений корыстной направленности, в 71 % совершения насильственных преступлений и лишь в 26 % преступлений неосторожных; «равновесие» личности и ситуации при совершении преступлений этих видов практически одинаково (19, 17, 23 % соответственно); личность частично «подавлена» ситуацией в 6 % случаев совершения корыстных преступлений, 12 % фактов преступлений насильственных и в 69 % преступлений, совершаемых по неосторожности⁴⁷.

В другой работе В.Е. Корноухов верно подчеркивает, что «криминальные ситуации видоизменяют механизм и способ совершения и, как следствие, приводят к вариационности отражения следовой картины, следовательно, они в ней отражаются частично»⁴⁸.

Именно с учетом этого, как нам представляется, возможно, во-первых, если не оптимальным, то во всяком случае рациональным образом работать со следами, возникшими в результате реализации механизма преступления определенного вида; во-вторых, выдвигать и верно формулировать версии об обстоятельствах, подлежащих установлению по каждому уголовному делу; в-третьих, определять рациональные следственные и другие действия и во многом их последовательность при осуществлении такой проверки.

Так, к примеру, независимо от того, какая именно версия о лице, совершившем расследуемое убийство, и его мотивах сформулирована, одним из неотложных следственных действий явится судебно-медицинская экспертиза трупа потерпевшего, направленная на извлечение и исследование материальных следов с этого «объекта», результаты которой необходимы для проверки любой версии. Если подозреваемый дал «признательные» показания, то выявленные в результате этого идеальные следы потребуют их исследования на предмет того, насколько адекватно они отражают механизм совершенного преступления, путем проверки его показаний на месте и проведения других направленных на то следственных действий и других мероприятий.

В то же время ряд разрешаемых судебно-медицинской экспертизой трупа диагностических вопросов (например, о взаиморасположении потерпевшего и нападающего, о наличии следов борьбы и самообороны и т. п.) позволит с той или иной долей вероятности реконструировать криминальную ситуацию, уточнить объективность ее реконструкции и, наконец, оценить достоверность показаний подозреваемого.

---

⁴⁶ Русаков И.Г. Специфика свойств личности субъектов насильственных преступлений из числа лиц, имеющих боевой опыт / В сб. ст.: Уральская школа криминалистики: формирование, современное состояние и перспективы развития. – Екатеринбург, 2007. – С. 179.

⁴⁷ Корноухов В.Е. Указ. соч. – С. 46.

⁴⁸ Корноухов В.Е. Предмет раздела криминалистики «Методика расследования отдельных видов преступлений». – Красноярск, 2007. – С. 27.

Обстоятельства, составляющие предмет доказывания по уголовному делу, достаточно строго очерчены и предопределены уголовно-процессуальным законом (ст. 73, 299, 421 УПК РФ). Однако необходимая прагматическая и познавательная сущность установления главных и промежуточных фактов в этих пределах с криминалистических позиций во многом обусловлена видом, к которому относится расследуемое преступление. Их специфические особенности, объем самих обстоятельств, пространственно-временные связи отдельных обстоятельств между собой и т. п., которые, как это уже неоднократно отмечалось, обусловлены диспозицией соответствующей уголовно-правовой нормы, конкретным способом ее реализации и мотивом преступления в данной криминальной ситуации, подлежат установлению при расследовании убийства, другие при расследовании дачи/получения взятки.

Эта специфика всецело предопределяет интерпретацию достижений частных криминалистических теорий, технических и тактических средств при разработке соответствующей частной криминалистической методики.

Скажем, при расследовании убийства наибольшее значение будут иметь обнаружение (и дальнейшее исследование) отпечатков пальцев на орудии преступления; при расследовании взяточничества – их обнаружение (и дальнейшее исследование) на предмете взятки; сами же технические средства и технико-криминалистические приемы обнаружения и исследования дактилоскопических следов чаще всего не меняются.

Это же с логической неизбежностью влечет соответствующую интерпретацию в частной методике общих положений криминалистики об организации и планировании расследования преступлений, начиная с момента получения сообщения о происшествии и выдвижения по нему типичных версий.

Одни из них, продолжая приведенные ранее гипотетические примеры, будут формулироваться при обнаружении трупа, совершенно другие – при получении заявления о предстоящем факте дачи/получения взятки. Особенности присущи и организации последующего и заключительного этапов расследования преступлений криминалистически определенного вида – вплоть до архитектуры постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и выполнения по делу требований статьи 217 УПК (с учетом, например, количества эпизодов и фигурантов по делу, роли каждого из них в преступной деятельности и т. п.).

И наконец, это же всецело предопределяет – что представляется нам весьма важным – интерпретацию тактики производства отдельных следственных действий (перечень которых приведен выше), рационально учитывающую необходимость и возможности установления главных и промежуточных фактов при их проведении в самом широком диапазоне арсенала средств, разработанных криминалистической тактикой.

Нет сомнений, что тактические средства установления контакта при допросе подозреваемого в убийстве отличаются от способов установления контакта с лицом, подозреваемым в совершении должностного преступления. При производстве обыска в жилище этих же подозреваемых усилия следователя будут направлены на обнаружение (в том числе с использованием технических средств) совершенно разных предметов и документов, для сокрытия которых эти лица с учетом своих социально-психологических свойств и особенностей будут использовать, как правило, также разные места в своих квартирах.

Попутно заметим: именно личностью сексуальных серийных убийц объясняется то, что значительная часть из них до своего изобличения имела возможность совершать свои преступления длительное время – годы и десятилетия. Дело в том, что эти лица в социальном и других отношениях были совершенно обычными, можно сказать, нормальными гражданами. Боль-

шинство из них (от витебского Михасевича, ростовского Чикатило, иркутского Кулика, балашихинского Кузнецова и др.⁴⁹ до менее известного воронежского Осипенко⁵⁰) имели семьи, детей, работу, положительно характеризовались, не имели судимости и т. д. Таких людей, естественно, большинство. И потому (что не менее естественно) быстро проверить всех их на причастность к совершению сексуального убийства практически невозможно. Проходит длительное время, пока по тем или иным основаниям в отношении одного из таких «нормальных» людей возникнет обоснованное подозрение в причастности к совершению этих преступлений, после чего, как показывает практика, изобличение его становится традиционным, осуществляется традиционными криминалистическими (техническими, тактическими, методическими) средствами.

---

⁴⁹ См. об этих и ряде других отечественных сексуальных маньяков: Протасевич АЛ., Образцов В Л. Раскрытие убийств. Очерки теории и практики следственной работы. – Иркутск, 1998.

⁵⁰ В течение полутора лет Осипенко совершил четыре убийства по сексуальным мотивам. В 2006 году Воронежским областным судом приговорен к пожизненному лишению свободы.

§ 2. Ситуационный подход в методике уголовного преследования и профессиональной защите от него

Следующий постулат прагматических основ криминалистической методики таков: возможности «переработки» механизма слеодообразования, последовательность следственных действий и других мероприятий, а зачастую и сама сущность выяснения при этом необходимых обстоятельств во многом предопределяются сложившейся следственной ситуацией.

Тут же скажем, что следственная ситуация как категория науки криминалистики и ситуация расследования – понятия неоднородные.

Этот вопрос, думается, принципиально значимый. Дело в том, что именно нечеткая дифференциация этих понятий приводит отдельных ученых к следующему методологически ошибочному (по причинам, которые будут указаны чуть ниже) выводу, что «непосредственные рекомендации, предписания практикам в виде конкретных методик ученых-криминалистов создать в принципе не может, ибо это выходит за пределы того объекта, который он исследует в целях выявления тех закономерностей, которые данным объектом управляют»⁵¹.

Так чем же в таком случае занимаются ученые-криминалисты, как не обеспечением потребности практики на уровне создания систем конкретных рекомендаций, рассчитанных на различные следственные ситуации?

Первое из них есть модель, главным образом, информационная, обобщающая на теоретическом уровне наиболее общие и значимые особенности неисчерпаемого числа ситуаций расследования. К примеру, «объем информации, содержащейся в первичной информации о преступлении, устойчиво повторяется, специфичен для групп преступлений, что позволяет выделять исходные ситуации по расследованию преступлений, которые определяют задачи и последовательность их решения при расследовании»⁵².

Второе же понятие отражает оценку ситуации расследования конкретного преступления в конкретных условиях конкретным следователем. Такая оценка осуществляется им на основе своего интеллекта, психологической толерантности, опыта работы и т. п. личностных своих качеств, что и создает для него реальную ситуацию его деятельности. В этом смысле количество ситуаций расследования неисчерпаемо велико. В каждой из них следователь должен распознать ту следственную ситуацию как категорию криминалистики, применительно к которой разработаны системы соответствующих рекомендаций, «определяя затем типовой способ действия и адаптируя его к конкретным условиям следственной деятельности»⁵³. Однако индивидуальные особенности каждого следователя, каждого конкретного расследования не могут (что естественно) учитываться при конструировании научного понятия. В его содержании опосредуются наиболее характерные и устойчивые особенности неисчислимого количества реальных ситуаций расследования преступлений криминалистически определенных видов и категорий, именно они лежат в основе конструирования частных криминалистических методик.

Делая такой вывод, мы в сущности лишь интерпретируем мысль Ф.М. Достоевского. «...Ведь общего-то случая-с, – разъяснял Раскольникову

---

⁵¹ Каминский А.М. Указ. соч. – С. 140.

⁵² Корнюхов В.Е. Предмет раздела науки криминалистики... – С. 17.

⁵³ Корнюхов В.Е. Указ. соч. – С. 83. На гносеологическое различие следственных ситуаций и ситуаций расследования мы обращали внимание еще 20 лет назад; см.: Баев О.Я., Баева Н.Б. Реальные следственные ситуации и их модели / В кн.: Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. – Ташкент, 1988.

Порфирий Петрович, – того самого, на который все юридические формы и правила примерены и с которого они рассчитаны и в книжки записаны, вовсе не существует-с по тому самому, что всякое дело, всякое, хоть, например, преступление, как только оно случится в действительности, тотчас же и обращается в совершенно частный случай-с; да иногда ведь в какой: таки-таки ни на что прежнее не похожий-с».

В связи с этим речь далее пойдет не о ситуациях расследования, а о следственных ситуациях как категории науки криминалистики (в методическом их значении⁵⁴).

Сразу подчеркнем: механизм слеодообразования и следственные ситуации – это, образно говоря, «лестницы в соседних подъездах»; первая от второй не зависит; однозначной корреляции между следственной ситуацией и механизмом совершения преступлений также, видимо, нет. Если преступление определенного вида действительно было совершено, то, как было отмечено, типовые следы от него неукоснительно возникнут на типовых объектах. Однако возможности их переработки, их обнаружения, извлечения и исследования обуславливаются возникающей ситуацией на каждом этапе расследования.

Так, на первоначальном его этапе (наиболее сложном, характеризующемся, как правило, повышенной информационной неопределенностью) в самом широком смысле рассматриваемого понятия – следственной ситуации как категории науки криминалистики – возможно возникновение следующих следственных ситуаций:

а) известно событие, требующее реагирования правоохранительных органов (деяние, содержащее достаточные признаки преступления – ст. 140 УПК); необходимо установить, кто и при каких наиболее существенных обстоятельствах совершил его, наличие в действиях этого лица состава конкретного преступления, а также все другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу. Понятно, что эта ситуация так называемого неочевидного преступления, когда следователь отталкивается в расследовании лишь от самого факта криминального события. Наиболее характерно возникновение этой ситуации для начала расследования большинства преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска, в частности против личности насильственной или корыстно-насильственной направленности;

б) известно лицо, которое по имеющейся информации, возможно, учинило уголовно наказуемое деяние; необходимо установить криминальный характер этого деяния, содержит ли оно все необходимые элементы состава того или иного преступления, а также все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу в смысле статьи 73 УПК. Очевидно, что такая ситуация наиболее часто возникает на первоначальном этапе расследования должностных и экономических преступлений, возбуждению уголовных дел о которых чаще всего предшествуют оперативно-розыскные разработки;

Именно специфика и принципиальное различие этих ситуаций обуславливают то, что качество работы подразделений уголовного розыска (УР) оценивается по числу раскрытых, а подразделений борьбы с экономическими преступлениями (БЭП) – выявленных преступлений.

Поэтому нам непонятно беспокойство руководителя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (если его правильно понял журналист) ростом числа выявленных фактов коррупции за первое полугодие 2008 года. За этот период их зафиксировано 8594, тогда как за весь 2007 год было выявлено всего 6788 таких противоправных преступлений (Росс, газета, 2008, 8 августа). Напротив, полагаем мы, это следует расценивать не как

---

⁵⁴ В тактическом значении этой категории следственные ситуации различаются по степени конфликтности интересов взаимодействующих в ней лиц. О соотношении тактических и методических следственных ситуаций см.: Баев О.Я. Основы криминалистики. – М., 2003.

недостаток, а как несомненный и прямой успех правоохранительных органов, в некоторой степени активизировавших борьбу с коррупцией.

в) известно криминальное событие, известно лицо, его учинившее; необходимо установить наличие или отсутствие всех элементов состава соответствующего преступления и другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу. Понятно, что это – наиболее благоприятная для расследования следственная ситуация, характерная для задержания лица с поличным при совершении преступления или непосредственно после того.

Таким образом, в методическом отношении следственная ситуация в основном предопределяется двумя факторами: имеющейся на данный момент информацией и источниками ее получения.

К примеру, если потерпевшая от изнасилования сообщила, что посягательство совершило неизвестное ей лицо (лица), то очевидно, что первоначальный этап расследования в основе своей носит чисто поисковый характер, направленный на установление этого лица. Эта задача предопределяет необходимость подробного выяснения у потерпевшей и возможных свидетелей примет насильника, проведения судебно-медицинской экспертизы потерпевшей и других экспертиз, носящих диагностический, а затем и идентификационный характер, по объектам, обнаруженным на месте происшествия.

Если эта же потерпевшая заявляет, что посягательство совершило известное ей лицо, то характер первоначального этапа расследования существенно изменится. Он приобретет не столько поисковый (ибо лицо, совершившее преступление, известно), сколько исследовательский характер. Это потребует как минимум тщательного выяснения взаимоотношений между этими лицами, углубленного изучения личности заявительницы и т. п.

При этом (вновь обратим внимание), если изнасилование действительно имело место, следы от него, независимо от ситуации, следует искать на одних и тех же объектах (на теле и в организме потерпевшей, на ее одежде, месте происшествия и т. п.). Это касается и преступлений, относящихся к другим криминалистически определенным видам.

Если, к примеру, субъект совершил присвоение чужого имущества путем использования своего служебного положения, то материальные следы от него остались на типовых объектах (в документах, в виде предмета хищения и нажитого за счет преступления имущества и т. п.). Однако последовательность их извлечения, сама сущность направленных на то действий следователя будут всецело предопределены ситуаций возбуждения уголовного дела.

Одна последовательность и сущность действий по их извлечению необходима, когда дело будет возбуждено по так называемым официальным материалам (акту документальной ревизии, статье в газете и т. п.), принципиально иная – если дело в отношении этого же субъекта по тем же фактам будет возбуждено на основе легализации предшествующей оперативно-розыскной деятельности. Как известно, в последней ситуации весь первоначальный этап расследования будет основываться на использовании эффекта внезапности (задержание с поличным, немедленные и параллельные обыски и выемки у предполагаемых соучастников и т. п.).

В первой же из них потребуются совершенно иная последовательность и сущность действий по извлечению и переработке тех же следов. К ним, в частности, относятся детальный допрос заподозренных по каждой позиции сличительной ведомости, встречные проверки документов в различных организациях и т. п. В то же время результативность первоначальных обысков в этой ситуации невелика. Возможности их производства эти лица в данной ситуации предполагают, а потому к ним готовятся: уничтожают, уносят из своего жилища и скрывают в других местах документы, ценности и другие предметы, которые, на их взгляд, могут интересовать следователя, и т. д.

Тут же отметим, что при создании отдельных частных криминалистических методик обозначенные общие следственные ситуации развиваются, приобретают более конкретный характер, существенным образом дифференцируются в зависимости от особенностей криминали-

стической классификации преступлений рассматриваемого вида, степени разработанности их криминалистической характеристики и, думается, самим подходом отдельных авторов к понятию следственной ситуации.

Так, например, если Н.Г. Шуруханов применительно к расследованию преступлений, совершаемых рецидивистами, выделил 3 следственные ситуации, а С.И. Болтенко вычленил 11 возможных следственных ситуаций при расследовании этих преступлений, то А.К. Ковалиерис, разрабатывая эту же частную методику, дает рекомендации уже применительно к 23 следственным ситуациям⁵⁵.

От того, как следственная ситуация представляется стороне защиты (самому лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и его адвокату), во многом зависит схема поведения данного лица при его объяснениях по поводу возникшего в отношении его подозрения.

С прагматических для подозреваемого позиций основу выбора им определенной схемы поведения, думается, составляют те же факторы, что структурируют и возникновение определенной следственной ситуации (в соответствующей, разумеется, модификации): информация, которой, по его мнению, располагает в отношении его причастности к преступлению следователь, и ее источники. Несомненно, что на ее конструирование также влияют рефлексивные представления подозреваемого и (в большей степени как профессионального юриста) его защитника о возможностях получения следователем дополнительной информации, усиливающей или ослабляющей обоснованность возникшего в отношении лица подозрения.

Перечень таких схем возможного поведения, как нам представляется, также конечен для преступлений отдельных криминалистически определенных видов.

К примеру, лицо, подозреваемое или заподозренное в совершении (исполнительстве) насильственного преступления, гипотетически может придерживаться одной из следующих схем поведения при допросе:

- 1) отрицать свое нахождение на месте совершения преступления (в том числе выдвигая себе алиби);
- 2) признавать факт своего нахождения в этом месте, но отрицать совершение преступления;
- 3) признавать факт совершения вмененных ему действий, но объяснять их учинение причинами и обстоятельствами либо вовсе исключаящими их криминальный характер (крайней необходимостью, необходимой обороной, добровольным отказом), либо смягчающими ответственность за их совершение (состоянием аффекта, неосторожной формой вины к наступившим в результате деяния последствиям);
- 4) признавать совершение преступления в полном объеме осуществляющегося в отношении его уголовного преследования;
- 5) отказаться от дачи каких-либо объяснений по поводу возникшего в отношении его подозрения в соответствии со статьей 51 Конституции Российской Федерации (схемы возможного поведения лица, подозреваемого в получении взятки, в различных ситуациях расследования этого факта будут подробно анализироваться ниже).

---

⁵⁵ Значительное количество несколько иных следственных ситуаций применительно к данной частной методике выделено и В.В. Николайченко, из работы которого мы заимствовали данную информацию; см.: *Николайченко В.В.* Указ. соч. – С. 270–272.

Совершенно очевидно, что занятая подозреваемым лицом позиция окажет существенное влияние на развитие и модификацию ранее возникшей следственной ситуации. Это во многом обусловит сущность обстоятельств, которые следователь будет выяснять и при производстве практически всех других следственных действий и мероприятий, направленных как на проверку его показаний и изобличение его в совершении преступления, так и на проверку других следственных версий.

Тут же заметим, что эти схемы достаточно подвижны, мобильны. Подозреваемый (заподозренный) может сначала полностью признать себя виновным по существу возникшего в отношении его подозрения, а затем так же полностью от своих «признательных» показаний отказаться. И напротив, вначале отказываться от дачи каких-либо показаний, а впоследствии дать показания, в которых он либо не признает себя виновным, либо (как правило, убедившись в наличии у следователя достаточных доказательств для обвинения) признает себя виновным полностью или частично.

Именно это положение – прямая зависимость методики защиты от уголовного преследования от криминальной и следственной ситуации – делает для нас необходимым вновь (об этом уже достаточно подробно говорилось во введении) обратить внимание на следующий принципиально важный в контексте нашего исследования момент.

В последние годы в литературе все более утверждается совершенно, на наш взгляд, обоснованное мнение, что криминалистическая методика, как и вся криминалистика, все остальные теоретические и прикладные ее достижения, рассчитана не на единственного (хотя и основного) «потребителя» – следователя. Ее субъектами являются и другие профессиональные участники уголовно-процессуального исследования преступлений.

И потому не случайно, что в последних своих работах⁵⁶ Р.С. Белкин несколько отошел от своего ранее приведенного понимания криминалистической методики как методики только расследования отдельных видов преступлений и стал рассматривать предметную область методики более широко – расследование и судебное рассмотрение отдельных видов преступлений. В частности, говоря о структуре частной криминалистической методики применительно к судебному рассмотрению уголовных дел, он отмечает, что она на основе уголовно-процессуального закона отражает последовательность действий участников судебного процесса и содержание этих действий в ходе судебного следствия и в прениях сторон.

Как видим, здесь Р.С. Белкин не перечисляет субъектов криминалистической методики применительно к судебному рассмотрению преступлений, а весьма неопределенно пишет об участниках судебного процесса.

Однако нет сомнений в том, что профессиональными участниками этого процесса являются и прокурор – государственный обвинитель, и адвокат – защитник лица, в отношении которого этот процесс осуществляется: именно они предоставляют суду и исследуют в суде доказательства, их речи составляют содержание прений сторон⁵⁷.

И это относится не только к судебному производству по уголовному делу. А потому в этом месте данной нашей работы представляется логичным обосновать сформулированное во введении определение уголовно-процессуального исследования преступлений как предметной области криминалистики, в том числе, естественно, криминалистической методики как синтезирующего раздела этой науки.

В российской дореволюционной юридической литературе об уголовном судопроизводстве как о форме соответствующего исследования писали многие авторы.

---

⁵⁶ В том числе изданных после смерти этого выдающегося ученого. См.: Курс уголовного судопроизводства: Учебник в 3 томах / Под ред. В.А. Михайлова. – Москва – Воронеж, 2006. – Т. 1. – С. 122.

⁵⁷ Факультативными профессиональными участниками судебного процесса (как и досудебного производства по уголовному делу) могут являться адвокаты – представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, адвокат свидетеля.

«...Весь кодекс (уголовного судопроизводства. – О.Б.) посвящен правилам о собирании и использовании доказательств для восстановления прошлого факта, составляющего предмет *судебного исследования*» (здесь и далее курсив наш. – О.Б.), – писал, например, Л.Е. Владимиров⁵⁸.

«Обязанность суда, – замечал А.Ф. Кони, – не заподозреть и исследовать, а разбирать *исследованное*...»⁵⁹

Затем по различным причинам, нам думается, в основном идеологическим, когда задачами советского социалистического, в том числе уголовно-процессуального, права признавались «задачи, направленные на преодоление сопротивления классовых врагов и их агентуры делу социализма...»⁶⁰, говорить о судопроизводстве как о процессе всестороннего исследования преступлений, стало попросту неуместно⁶¹.

В современной же юридической литературе, насколько нам известно, одним из первых понятие «исследование преступлений» применительно к предметной области наук криминалистического цикла употребил Р.С. Белкин. В 1967 году он определил криминалистику как «науку о закономерностях осуществления *судебного исследования*, о средствах и приемах его проведения, о методах использования этих средств и приемов как в целях раскрытия и расследования преступлений и объективного судебного разбирательства, так и для принятия мер к предотвращению преступлений».

При этом под «судебным исследованием преступлений» им понималась «совокупная деятельность органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины по делу»⁶².

На протяжении многих лет Р.С. Белкин уточнял и углублял свое видение предмета криминалистики, но не изменял своего мнения о предметной области этой науки как о судебном исследовании преступлений и о сущности такого исследования⁶³.

Мы всецело поддерживаем идею Р.С. Белкина об исследовании преступлений (а не только об их расследовании) как предметной области наук криминального цикла. В то же время в ряде своих работ⁶⁴ мы уже высказывали и обосновывали мнение о том, что:

а) помимо названных Р.С. Белкиным лиц и органов, в число профессиональных субъектов исследования преступлений необходимо включать прокурора как руководителя всей системы уголовного преследования и государственного обвинителя в суде, и адвоката, выступающего по уголовному делу в качестве защитника или представителя потерпевшего либо гражданского истца и гражданского ответчика;

б) совокупную деятельность всех этих лиц и органов более корректно именовать не судебным, а уголовно-процессуальным исследованием преступлений, ибо осуществляется она на всех стадиях и этапах уголовного процесса.

Очевидно, что каждый из названных органов и лиц свою деятельность осуществляет в соответствии со своей уголовно-процессуальной функцией, положением в уголовном процессе и реализует ее в соответствии с правами и запретами, установленными для него уголовно-процессуальным законом (с привлечением к таковой деятельности непрофессиональных представителей соответствующей стороны и иных участников судопроизводства).

---

⁵⁸ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула, 2000. – С. 52.

⁵⁹ Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 томах. – М., 1966. – Т. 2. – С. 390.

⁶⁰ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М., 1941. – С. 12.

⁶¹ Напомним, вплоть до введения в действие Уголовно-процессуального кодекса 2001 г. задачами всего уголовного судопроизводства, а следовательно, и суда как такового закон продолжал признавать «быстрое и полное раскрытие преступлений».

⁶² Криминалистика. Учебник для средних специальных учебных заведений МВД СССР. – М., 1967. – С. 3.

⁶³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Изд. 3-е, доп. – М., 2001. – С. 65.

⁶⁴ См.: Баев О.Я. Криминалистические средства и методы исследования преступлений // Юридические записки. – Воронеж, 1999. – Вып. 10. – С. 6–9; Он же. Основы криминалистики. – М., 2001. – С. 30–35.

Необходимость последней оговорки обусловлена тем, что такие органы и лица, также несомненно участвующие в исследовании преступлений, как экспертные учреждения, эксперты, специалисты, не относятся ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты. Они – иные участники уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК РФ), которые при необходимости могут (а в случаях, предусмотренных статьями 178, 179 (ч. 4), 196 УПК, – обязаны) привлекаться к этому процессу по решению представителей состязаемой в таком исследовании стороны или суда для разрешения вопросов, входящих в их профессиональную компетенцию.

Таким образом (повторим), уголовно-процессуальное исследование преступлений есть направленная на достижение назначения уголовного судопроизводства совокупная деятельность органов дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, адвоката-защитника, адвоката-представителя, суда, реализуемая каждым из них в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями в рамках динамической системы уголовно-процессуальных правоотношений.

Из этого определения, по нашему мнению, следует, что уголовно-процессуальное исследование преступлений начинается с принятия заявления (сообщения) о деянии, возможно имеющем криминальный характер, и завершается (в случае установления события преступления и лица, его учинившего) вступлением приговора суда в законную силу (или другого законного завершающего расследование решения).

Такой взгляд на гносеологическую сущность уголовного процесса предоставляет возможность ее изучения как большой системы. В соответствии же с системным подходом (и пониманием процесса в других науках) процесс есть совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, преобразующих входы в выходы. При этом входами к процессу обычно являются выходы других процессов⁶⁵.

И в нашем случае выход из доследственной проверки заявления о преступлении – это либо отказ в возбуждении уголовного дела, либо возбуждение уголовного дела и производство предварительного расследования.

Суд первой инстанции рассматривает результаты возбужденного государственного обвинения, которые, в свою очередь, есть оценка прокурором результатов предварительного расследования.

Решение суда первой инстанции является входом к деятельности суда, рассматривающего его в кассационном порядке. Решение кассационной инстанции, как правило, завершает уголовно-процессуальное исследование преступления (не считая достаточно редких случаев отмены ранее состоявшихся решений в надзорном порядке).

Как это уже оговаривалось выше, мы ограничили рамки данной работы изучением методики не всего уголовно-процессуального исследования преступлений, а наиболее проблемных ее составляющих – деятельности по уголовному преследованию и профессиональной защите от него. А потому далее, используя понятие уголовно-процессуального исследования, мы будем иметь в виду методические особенности деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование, и адвоката-защитника лица, такому преследованию подвергающегося.

Конечно же, криминалистические методики расследования, возбуждения государственного обвинения и поддержания его в суде, имея общую цель – уголовное преследование, различаются между собой по структуре деятельности.

Так, уголовное преследование при возбуждении государственного обвинения носит в целом сугубо аналитический характер. Поддержание государственного обвинения в суде, в

---

⁶⁵ См.: Шадрин А. Д. Шадрин А. Д. Менеджмент качества – от основ к практике. – М., 2005. – С. 157.

отличие от уголовного преследования, осуществляемого на предварительном следствии, носит не столько поисковый, сколько исследовательский характер.

Все бóльшие предоставляемые законом возможности для адвоката-защитника участвовать не только в судебном, но и в досудебном производстве по уголовному делу с самых ранних его стадий, также, несомненно, логически и теоретически вполне корректно определяют его «полноценное» место среди других субъектов – потребителей криминалистической методики (следователя, прокурора).

Направленность же его деятельности в принципе, что вполне понятно, противоположна направленности уголовного преследования и по самой ее цели, и по структуре как в досудебном, так и в судебном производстве по уголовному делу.

Однако **методические основы осуществления деятельности всеми профессиональными участниками уголовного судопроизводства на всех его этапах и стадиях едины:** рациональная «переработка» в целях выполнения своей процессуальной функции механизма слеодообразования, возникшего в результате совершения исследуемого преступления.

Так, следователь (что подробно рассмотрено выше) на основе познания механизма слеодообразования от преступлений отдельного вида обнаруживает следы, формирует из них доказательства, исследует их с точки зрения достоверности и достаточности по конкретному уголовному делу для обвинения конкретного лица в совершении конкретного преступления, предусмотренного определенной статьей УК.

Прокурор при возбуждении государственного обвинения, следуя определенному алгоритму, осуществляет анализ уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением: изучает относимость и допустимость каждого доказательства, достоверность и достаточность всей системы собранных следователем доказательств. Если он приходит к выводу, что эти доказательства адекватно отражают объективно возникший в результате совершения преступления механизм слеодообразования (и тем самым – механизм самого совершения преступления) в пределах предмета доказывания с учетом диспозиции вмененной обвиняемому уголовно-правовой нормы, он утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд. В противном случае он принимает одно из решений в рамках своих полномочий, предусмотренных пунктом 2 ст. 221 УПК РФ.

С этих же позиций – необходимости рационального исследования доказательств, адекватно отражающих на основе переработки механизма слеодообразования механизм совершения вмененного подсудимому преступления, – государственный обвинитель планирует и организует последовательность предоставления им суду доказательств (допросов отдельных лиц, оглашение заключений экспертиз и других материалов дела, подтверждающих обвинительный тезис). Заметим попутно, что по очевидным на то причинам наиболее ответственна и сложна реализация этого элемента методики поддержания государственного обвинения по групповым и многоэпизодным уголовным делам.

Эта же необходимость (с учетом уголовно-правовых и криминалистических особенностей вида исследуемого преступления) определяет круг обстоятельств, которые государственный обвинитель выясняет при судебном допросе тех или иных лиц и производстве иных судебных действий следственного характера, производимым по инициативе стороны защиты.

Очевидно, что эта методическая деятельность государственного обвинителя носит отчетливо выраженный ситуационный характер. Но эти ситуации (их условно можно именовать обвинительно-судебными) существенно отличны от следственных ситуаций, хотя цель деятельности и прокурора, и следователя едина: законное и обоснованное уголовное преследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.